

И. В. Говоров

Проблема коррупции в российской полиции на рубеже XIX–XX вв.

В марте 2011 г. вступил в силу закон «О полиции», положивший начало очередной реформе МВД. В ходе обсуждения этого закона в Государственной Думе и средствах массовой информации неоднократно шла речь о возвращении к историческим корням, восстановлении славного, но «необоснованно опороченного в советское время» имени полиции. При этом авторы подобных комментариев предпочитают не вспоминать «не о слишком славных» страницах истории полиции, по большому счету, приведших ее к трагическому финалу в феврале 1917 г.

Сто лет назад репутация полиции была далека «от лучезарной». Вот как ее работу оценивали петербургские обыватели начала XX столетия: «Полицейские чины были взяточники... за взятку можно было замазать всякое правонарушение и даже преступление»; «Полиция не пользовалась в народе уважением, её не почитали и попросту презирали... простой люд видел в них грубых насильников. Они могли ни за что посадить в кутузку, заехать в зубы, наложить штраф, чинить препятствия...»; «Неопытные люди дивуются: чины полиции содержание получают не ахти какое, а живут отлично, одеты всегда с иголочки. Приставы — это уже полубоги; вид у них по меньшей мере фельдмаршальский, а апломб, красоты в жестах!.. Гоголевские именины в день своего ангела и на Онуфрия еще во всей силе... Портные, переплетчики, сапожники — все цехи работают даром на полицию: это уже всероссийский закон — его же не перейдешь»; «По праздникам взятки носили почти узаконенный характер. Считалось обязательным, чтобы домовладельцы, торговцы, предприниматели посылали всем начальствующим в полицейском участке к Новому году и прочим большим праздникам поздравления с «вложением». Околоточным, квартальным и городовым «поздравления» вручались прямо в руки, так как поздравлять они являлись сами. Давать было необходимо, иначе

Говоров Игорь Васильевич,
доктор
исторических наук,
профессор,
Санкт-Петербургский
университет
МВД России.
igogovoro@yandex.ru

могли замучить домовладельцев штрафами»¹. Ситуация в столице империи не была исключением. Российские газеты регулярно публиковали статьи под говорящими названиями: «полицейские-звери», «истязания арестованных» и т. д.² Они повествовали об избиениях и пытках, применяемых к арестованным, взяточничестве, вымогательствах со стороны полицейских чинов, произволе и нарушении законности. О степени уважения простых граждан к полицейским говорит и следующий факт: только в Москве за второе полугодие 1907 г. были привлечены к административной ответственности за оскорбления полицейских свыше 700 человек³.

Одной из главных претензий, предъявляемых обществом к полиции, являлась ее коррумпированность. Общественное мнение было твердо убеждено, что в полицейских учреждениях царит тотальная продажность, мздоимство и лихоимство⁴. И, к сожалению, это убеждение подпитывалось многочисленными фактами — материалами судебных процессов над полицейскими-«оборотнями», журналистскими расследованиями, жалобами обывателей и т. д.

Коррупция в полиции имела давнюю историю. Фактически, она оставалась одним из немногих государственных учреждений, в которых вплоть до середины XIX в. легально действовала сохранившаяся со времен Московского государства система «почестей» — вознаграждение от населения государственным служащим за выполнение ими своих обязанностей⁵. В полиции такими «почестями» являлись так называемые «праздничные» — вознаграждения, получаемые полицейскими чиновниками по религиозным и государственным праздникам от «благодарного» населения обслуживаемой им территории. Судя по преданиям, даже император Николай I не считал зазорным каждый праздник высылать 100 руб. квартальному надзирателю, в квартале которого располагался Зимний дворец⁶.

Эта практика просуществовала до начала Великих реформ Александра II. Реформы, начавшиеся в 1860-х гг., затронули и полицию. Кроме реорганизации структуры полиции, были ужесточены требования к ее служебной деятельности. В частности, было строго запрещено получение «праздничных». Вот что заявлял в своем приказе 1866 г. обер-полицмейстер Санкт-Петербурга Ф. Ф. Трепов: «...я счёл своим долгом... представить Его Императорскому Величеству, что чины полиции, получая скудное содержание, по необходимости существуют приношениями от частных лиц, известным под именем праздничных денег. При этом выражено мною, что такой порядок вознаграждения служащих роняет достоинство полиции в общественном мнении, стесняет чинов её в преследовании нарушений закона, поставляя их в зависимое от частных лиц положение, словом, составляет неизбежную причину нравственного растрепания полиции и источник глубокого зла. Государь Император... Высочайше соизволил на увеличение содержания полиции в такой мере, что скромное безбедное существование на службе сделалось для них возможным и поэтому самому, безукоризненное исполнение долга безусловно обязательным. Таким образом, не одно вымогательство, но и принятие ими добровольных от частных лиц приношений становится уже в настоящее время преступлением и будет преследуемо мною со всей строгостью»⁷.

Впрочем, результаты этой реформы оказались неожиданными для ее организаторов. Уровень полицейской коррупции не только не пошел на спад, а наоборот, «прыгнул» вверх. В середине 1870-х гг. тот же Трепов — уже петербургский градоначальник — признавал, что положение с полицейскими вымогательствами стало гораздо хуже: «Ко мне поступают жалобы на вымогательства; теперь пишут мне, хуже, чем было прежде; прежде знали квартального и пристава и несли им, а теперь и околоточному подай, и помощнику пристава подай! Предупреждаю, чтобы этого не было, чтобы не было вымогательств». Описывающий эту сцену в своих воспоминаниях полицейский с иронией отмечает, что речь шла уже не о «праздничных», а хотя бы о прекращении откровенного вымогательства⁸.

Говоря о причинах массовой коррупции в органах правопорядка, необходимо выделить несколько факторов, влияющих на ее уровень и состояние. Первым из них, естественно, было материальное положение полицейских. Так, нижние полицейские чины — городовые — даже в столичных городах (Петербурге и Москве) получали меньше рубля в день, что было заметно ниже зарплаты квалифицированного рабочего. В других губерниях жалование городовых было еще ниже и колебалось от 80 до 50 коп. в день⁹. Денежное содержание приставов и их помощников, на первый взгляд, было гораздо выше. В зависимости от разряда, в Санкт-Петербурге в начале XX в. приставы получали от 2400 до 2800 руб. в год, включая квартирные и столовые¹⁰. Однако эти, казалось бы, крупные суммы были не способны обеспечить тот уровень жизни, который от полицейских чиновников требовал их статус. В результате складывалось положение, которое московский градоначальник А. А. Рейнбот характеризовал следующим образом: «к сожалению, оклады установленные штатами столь мизерны, что, не говоря уже о вознаграждении за страшную тяжесть и опасность полицейской службы, они не могут удовлетворять самым насущным потребностям жизни интеллигентной, хотя бы даже немногочисленной семьи»¹¹.

Вторым фактором, подталкивающим полицейских чинов к принятию подношений от населения, являлись общие проблемы с финансированием их работы. Так, в 1907 г. московская столичная полиция получила от МВД лишь 1/12 причитающегося ей бюджета. Денег не хватало даже на выплаты жалования городовым, не говоря уже о приобретении нового имущества и оружия¹². В московской полиции в начале 1906 г. на 4000 городовых приходилось 1300 револьверов, большей частью неисправных, и 4 берданки, а околоточные надзиратели вообще не были вооружены (кроме тех, кто присвоил конфискованное оружие). В участках не было ни кроватей для отдыха дежурной смены, ни самоваров, ни чайных принадлежностей¹³. Приставы фактически из собственных средств были вынуждены обеспечивать свои участки канцелярскими принадлежностями, выплачивать жалование писцам и другим канцелярским служителям. Неудивительно, что в этой ситуации руководителям полицейских учреждений приходилось искать другие источники получения средств. Если руководители полицейских учреждений манипулировали различными статьями сметы, выписывали фиктивные «наградные»¹⁴ подчиненным, то приставам нередко приходилось обеспечивать деятельность своих участков за счет подно-

шений населения. Так, в ходе расследования дела пристава 2-го участка Хамовнической части московской полиции подполковника П. Ф. Бояновского выяснилось, что большую часть полученных от торговцев своего участка 600 руб. «праздничных» он потратил на оплату сверхурочной работы своих подчиненных. Его петербургский коллега — командир 4 роты петербургской полиции капитан Задорновский — за полученную от владельцев квартир свиданий и букмекеров мзду обеспечил личный состав своего подразделения оружием (современными маузерами) и велосипедами¹⁵.

Третьим фактором, способствовавшим укоренению коррупции в полицейских учреждениях, являлось отношение к этому явлению обывателей. Большинство владельцев торговых и питейных заведений, трактиров и т. д. не видели в подношениях полицейским ничего криминального. В их глазах это считалось нормальной традицией, освященной веками — «как наши отцы давали и как после нас будут давать...» В письме московских фабрикантов 1906 г. дворцовому коменданту Дедюлину с жалобами на беспорядки в Москве упор делался не на сами факты взятки, а на нарушение вековой традиции их взимания. «При других губернаторах порядок истари был заведён таков — давать исправникам и полицейским надзирателям два раза в год, а чтобы давать взятки губернаторам и понятия никогда не имели»¹⁶. Примечательно, что такой точки зрения придерживались не только выходцы из низов, но и представители так называемого «света». Петербургский полицмейстер Ф. Ф. Дубисс-Крачак в своих воспоминаниях приводит реакцию придворного сановника, генерала, владевшего несколькими домами в столице, на отказ участкового пристава принять «праздничные» от его управляющего. Он вызвал пристава к себе и буквально вынудил его взять конверт с 300 руб.

В начале XX столетия ситуация начала меняться. В образованных слоях общества все больше росло неприятие практики взяток и вымогательств. Однако основная масса населения по-прежнему придерживалась устоявшихся принципов, расценивая подношения не как преступление, а как способ «смазать» неповоротливые шестеренки бюрократического механизма. Поэтому, по оценкам исследователей, жалобы на полицейские вымогательства были крайне редки и подавались лишь в тех случаях, когда полицейские «теряли чувство меры» и «брали не по чину», нарушая устоявшиеся нормы и традиции¹⁷.

Не способствовала улучшению ситуации и кадровая политика в органах полиции. Непрестижность полицейской службы, маленькое жалование, тяжелые условия службы создавали «кадровый голод». В результате на службу нередко принимались люди «без всяких справок», без проверки их репутации и моральной чистоплотности. Вот как один из современников оценивал качественный состав старших полицейских чинов: «большинство полицейского начальства состояло из офицеров, изгнанных из полков за неблагоприятные поступки: нарушение правил чести, разврат, пьянство, нечистую карточную игру»¹⁸.

К вышесказанному необходимо добавить и двойственное отношение высших чинов полиции к проблеме коррупции среди своих подчиненных. На словах сурово осуждая взятки и вы-

могательства, на деле многие из них предпочитали руководствоваться принципом, откровенно сформулированным А. А. Рейнботом: «Обращая внимание на состав и быт приставов и их помощников, пришлось придти к заключению, что, за редким исключением, большим подспорьем им служат подарки от обывателей, которые я делил на подарки со сделкою с совестью и на подарки со сделкою с самолюбием. Карая жестоко первые, волей-неволей пришлось мириться со вторыми, глубоко укоренившимися в Москве, контроль над которыми совершенно невозможен». Под «сделками с совестью» понималось получение денег за неисполнение своего служебного долга, «сделками с самолюбием» — получение подношений как демонстрацию «уважения» по праздникам и памятным датам, выплата вознаграждений за хорошо сделанную работу и т. д. Однако многие опытные полицейские отмечали, что городовые и околоточные надзиратели толковали такой подход довольно произвольно, «смешивали “праздничные” с “будничными”, а слова о “сделке с совестью и самолюбием” склонны формулировать так: “бери, но не попадайся”»¹⁹.

Не проявляли руководители многих полицейских органов и инициативы в борьбе со злоупотреблениями подчиненных, особенно если речь шла не о низших полицейских чинах (городовых, околоточных и урядниках), а о руководителях среднего уровня (полицмейстерах, приставах и их помощниках). Так, из заподозренных в вымогательствах и казнокрадстве в 1906–1907 гг. старших чинов московской полиции их начальством не один не был отдан под суд. Градоначальник, «дабы избежать огромного скандала для полиции», предпочел их тихо уволить²⁰. А нередко дело заканчивалось даже не увольнением, а переводом на другое место службы. Так, московский участковый пристав Шафров, которого собственные коллеги прозвали «чемпионом по взяткам», после разоблачения его махинаций был переведен на работу в Петербург, где дослужился до полицмейстера Кронштадта. На новом месте службы он «обложил данью» подчиненных приставов, содержателей притонов, торговал служебными вакансиями, расхищал средства, выделенные для пошива обмундирования служащим. Однако, когда за эти действия он в 1900 г. попал под суд, непосредственное начальство вновь встало горой на его защиту. Военный губернатор Кронштадта характеризовал этого «оборотня в погонах» как распорядительного полицмейстера, много сделавшего для улучшения ситуации в городе²¹. О масштабах укрытия должностных преступлений, совершенных полицейскими чинами, позволяют судить подсчеты С. Любичанковского. По его оценкам, губернские правления уральских губерний в 1892–1917 гг. приняли решение о предании суду²² менее 20 % старших полицейских чинов (становых или участковых приставов, уездных исправников или городских полицмейстеров) уличенных во взятках и злоупотреблениях. По остальным 80 % дел обвиняемые или увольнялись в отставку, или переводились на другое место службы, или на несколько месяцев «вводились в штат» (то есть, оставаясь на службе в полиции, освобождались от должности и не получали жалования)²³.

Да и сами руководители органов уездной и городской полиции, призывавшие своих подчиненных к моральной и денежной «корректности», ею отнюдь не отличались. Так, в отношении

Ф. Ф. Трепова, объявившего войну коррупции среди полицейских, ходили упорные слухи о получении им вознаграждений от фирм за представление выгодных заказов по обустройству города²⁴. Его сын Д. Ф. Трепов, будучи московским обер-полицмейстером и беспощадно преследуя полицейских-взяточников, сам охотно «выбивал» с владельцев ресторанов и домов свиданий «благотворительные» платежи в пользу полиции²⁵. Обвинения в коррупции выдвигались обществом в отношении петербургских градоначальников Клейгельса и Драчевского, одесского градоначальника Толмачёва и т. д. Точку зрения многих высокопоставленных чинов полиции на возможность использования служебного положения для личного обогащения довольно точно высказал уже неоднократно упоминавшийся в статье градоначальник Москвы А. А. Рейнбот. Когда ему однажды аттестовывали одного из московских приставов, докладчик в качестве доказательства честности последнего привел факт, что он не только не сделал на службе состояния, но и «прожил» приданое жены. Реакция градоначальника была весьма показательной: «Ну и видно, что дурак»²⁶.

Подобные взгляды и действия начальников полицейских служб не были секретом для их подчиненных. Поэтому они вряд ли всерьез воспринимали их призывы к искоренению лихоимства и денежной «некорректности». Более того, нечистоплотность руководства воспринималась рядовыми полицейскими как своего рода моральное оправдание своим действиям.

Какие же виды коррупции были наиболее распространены в полиции в конце XIX — начале XX в.? Пожалуй, самый широкий размах в наружной полиции приобрело взимание поборов с представителей легального, но достаточно уязвимого с точки зрения административного контроля бизнеса: клубов, где были разрешены азартные игры, трактиров, ресторанов, торговых и питейных заведений, публичных домов, владельцев ассенизаторских и ломовых обозов, извозчиков, ипподромных букмекеров и т. д. Все эти виды предпринимательской деятельности были связаны практически с повседневным нарушением различного рода административных установлений, и поэтому являлись уязвимыми для вымогательства. Легковые извозчики платили за право стоять в местах, где много пассажиров, за то, чтобы избежать наказания за быструю езду, за нахождение в экипаже более двух пассажиров. Владельцы ассенизаторских обозов постоянно испытывали угрозу опечатывания обозов за слив нечистот в неположенных местах. Трактирщики и рестораны были готовы платить за продление сроков работы своих заведений, за их перевод в более высокий разряд, за разрешение открывать отдельные кабинеты, привлекать женские хоры, развлекательные программы. Постоянным источником доходов являлись игорные заведения, функционировавшие под видом клубов. Так, только один из подобных московских клубов за то, что не препятствовал ведущимся там играм, ежемесячно платил по 300 руб. начальнику сыскальной полиции и местному приставу, 200 руб. — секретарю градоначальника, 500 руб. — начальнику полицейского резерва, и 1700 руб. — несшим службу на этой территории городовым и околоточным надзирателям²⁷. В целом, расходы крупных клубов в Санкт-Петербурге и Москве на «администрацию» (как это указывалось в бухгалтерских книгах) составляли от 500 до 3 тыс. руб. в месяц.

Суммы взяток варьировались от 5 до 15 коп. с извозчиков до нескольких сотен рублей с владельцев торговых и увеселительных заведений. Для тех, кто платить не желал, существовала целая система «убеждений» — многократные протоколы об антисанитарном состоянии, проверки документов у клиентов по несколько раз в день, выставление полицейского поста для осмотра «подозрительных посетителей», закрытие заведения под надуманным предлогом и т. п. Эти меры быстро ставили строптивых предпринимателей перед выбором: или платить, или разориться. Взятки брались не только деньгами, но и «натурой» — едой, алкоголем, сукном, товарами.

Другим постоянным источником доходов являлось оформление паспортов, прописка и выдача вида на жительство, прежде всего — евреям. Судя по жалобам московских евреев, главным условием получения права жительства в Москве была доказанная ими служащим полиции их «материальная состоятельность». Состоятельные евреи могли проживать в городе по несколько месяцев без всяких документов, бедные же высылались из города немедленно²⁸. Бралась мзда и за оформление других документов и справок, в частности, разрешений на покупку оружия. В Москве ходила такая присказка: «хочешь получить зелёнькую (разрешение на ношение и хранение оружия оформлялось на бланке зеленого цвета. — *И. Г.*) готовь зелёнькую (трехрублевую купюру. — *И. Г.*)»²⁹.

Наиболее неразборчивые чины полиции не останавливались и перед оказанием покровительства представителям уголовного мира: скупщикам краденого, содержателям тайных притонов, профессиональным ворами, дельцам черного рынка и т. д. Вот какие впечатления вынес из своей ревизии состояния дел в полицейских учреждениях Бакинского региона сенатор А. М. Кузьминский: «редкое преступление совершается без того, чтобы полиция не извлекла из него материальные выгоды или за сокрытие виновных, или за освобождение от задержания и ответственности лиц, которые при отсутствии каких-либо против них данных, привлечены к дознанию с исключительной целью получить выкуп за освобождение. Многие преступники и преступления скрываются: составляются протоколы об измышленных обстоятельствах, указываются подставные свидетели или же, наоборот путём применения угроз и истязаний подозреваемых лиц создаются ложные обвинения, искусственность которых обнаруживается на предварительном следствии. Таким образом, всякое преступление служит для полиции источником дохода»³⁰.

Руководители полицейских учреждений имели по сравнению с подчиненными еще больше возможностей для получения дополнительных доходов, пытаясь, однако, закамуфлировать их под более-менее законные формы. Типичной являлась ситуация, когда вновь назначенный обер-полицмейстер или градоначальник объявлял кампанию по борьбе с «азартом», «пороком» и «пьянством». Начались жестокие административные преследования владельцев питейных и игорных заведений, домов терпимости и квартир свиданий. Однако как только им удавалось найти «общий язык» с данным полицейским руководителем, эти репрессии немедленно сходили на нет. Так, петербургский градоначальник Д. В. Драчевский без всякой жалости закрывал игор-

ные клубы в столице. Однако были и исключения — Литературно-Художественное общество, Шахматное собрание и ряд других «привилегированных» клубов, которые обыватели прозвали «градоначальственными», по неизвестной причине избегали и проверок, и штрафных санкций. В других клубах градоначальник предлагал заменить карточные игры игрой в лото, но при одном условии — если машинки для игры будут приобретены на определенной фабрике в Ростове-на-Дону (градоначальником которого он являлся до перевода в Петербург), притом что другие фабрики (в том числе, и в самом Петербурге) продавали их по гораздо меньшей цене³¹.

Схожим образом действовал и его московский коллега А. Рейнбот. Он также объявил непримиримую борьбу с пороком и азартом, заявил, что искоренит азартные игры, приказал перевести публичные дома на окраину города и т. д. Однако вскоре выяснилось, что неприятностей можно избежать, если внести взнос на благотворительность градоначальнику, либо его помощнику по делам полиции В. А. Короткому. Вскоре выплаты на благотворительность стали регулярной статьёй расхода клубов и увеселительных заведений. Благотворительность при Рейнботе приобрела конвейерный характер. За благотворительный взнос можно было разрешить любую административную проблему. Ежемесячно через руки градоначальника проходили тысячи рублей. Проблема в том, что реального результата этих взносов видно не было. Ревизоры так и не смогли установить, куда девались десятки тысяч рублей, побывавших в руках градоначальника и его помощника³².

О величине доходов коррумпированных чинов полиции нам позволяет судить следующий факт. В ходе расследования дела обер-полицеймейстера скромного провинциального Ново-Николаевска Б. П. Висмана у него было обнаружено банковских вкладов на 120 тыс. руб.³³

Коррупция «свила» прочное «гнездо» не только в наружной полиции, но и в наиболее элитных полицейских подразделениях — уголовном и политическом сыске.

Сыскная полиция оставалась единственным полицейским учреждением, в котором сотрудники могли получать сверх жалования легальный приработок от населения — наградные за успешно раскрытые дела и возвращенное имущество. Если потерпевший считал, что сыщик хорошо справился с его делом, он мог, при условии уведомления его начальства, вознаградить данного сотрудника сыска частным образом. Сумма такой награды варьировалась в зависимости от суммы возвращенного имущества и могла достигать нескольких тысяч рублей. Впрочем, большинство руководителей сыска считало подобную практику предосудительной и способствовавшей процветанию вымогательства³⁴. Действительно, как отмечали судебные следователи Москвы, сотрудники сыскной полиции участвовали в раскрытии преступлений только тогда, когда им было обещано вознаграждение³⁵. Дело дошло до того, что начальник московской сыскной полиции Д. И. Моисеенко запретил своим подчиненным вести розыски по делам о кражах на железных дорогах, так как страховые компании отказывались платить наградные³⁶.

Однако некоторой части сотрудников сыскной полиции даже подобного рода легального заработка оказалось мало. Уже в 1881 г. в московском сыске разразился крупный скандал. Ряд

агентов сыскной полиции был уличен в присвоении средств, предназначенных на оплату осведомителей, вымогательстве «наградных» у потерпевших, покровительстве преступникам (карманникам, хипесницам³⁷, скупщикам краденого) и т. д.³⁸ Еще более шумный скандал возник в московской сыскной полиции в 1908 г. На сей раз под следствием и судом оказался каждый третий ее сотрудник, включая начальника. В ходе проведенной ревизии выяснилось, что чиновники и надзиратели сыскной полиции обложили податью сутенеров, скупщиков краденого, руководителей воровских шаек, закрывали за взятки уголовные дела, вымогали деньги под угрозой высылки из города. Вот как описывал в своих показаниях положение в московском сыске один из надзирателей сыскной полиции: «здесь творится невероятное. Найденные краденые вещи выдаются назад вора и барышникам. Произведённые дознания уничтожаются. Берутся деньги как с воров, так и с хипесников и барышников»³⁹. Подобная же ситуация была характерна и для других сыскных отделений. Так, в 1906 г. из Киевского сыскного отделения за связь с преступным миром и другие нарушения были уволены 16 из 21 сотрудника. Только за 1912 г. к судебной ответственности за взятки, поборы, избиения арестованных было привлечено 6 начальников сыскных отделений и 14 сыскных надзирателей⁴⁰.

XX век, наряду с привычными средствами нелегального заработка чиновников и надзирателей сыскной полиции, принес и новые — оказание частных коммерческих услуг состоятельным лицам. Так, уже упомянутый Моисеенко за скромную сумму в 10 тыс. руб., полученную от графа Ланского, организовал арест и высылку из Москвы конюха Савельева, собиравшегося жениться на графской дочери. Начальник рижской сыскной полиции Грегус (за соответствующий процент от возвращенной суммы) арестовывал по надуманным обвинениям лиц, не расплатившихся по вексялям, и держал их в заключении до тех пор, пока их родственники не оплачивали долг кредитору⁴¹.

Коррупция в полиции приобрела черты, угрожающие стабильности самого режима. За взятки освобождались не только уголовные, но и политические преступники, разрешалось издание закрытых оппозиционных газет. В. С. Измозик в своей публикации приводит многочисленные примеры взяточничества и казнокрадства в охранных отделениях и жандармских управлениях⁴². Чаще всего даже в случаях, когда преступная деятельность чинов политического розыска оказывалась очевидной, под суд они (в отличие от представителей уголовного сыска) не попадали, отделяясь увольнением или дисциплинарными взысканиями. Такие факты становились известны обычно в случае крупных политических скандалов, таких как убийство П. А. Столыпина. В ходе проведенного после убийства расследования ситуации в Киевском охранном отделении выяснилось, что большая часть секретных осведомителей в отделении существовала только на бумаге (притом некоторые имели весьма говорящие псевдонимы Водкин, Коньяков, Ликёров). Деньги, предназначенные на финансирование агентурной работы, расходовались сотрудниками охранного отделения. Только начальник охранного отделения подполковник Н. Н. Кулябко списал на «липовых» агентов и присвоил 30 тыс. руб. Обратной стороной

этого обогащения стало то, что охранное отделение не имело никакой серьезной информации о ситуации в киевском революционном подполье, что стало одним из факторов, способствовавших успеху покушения. Именно гибель Столыпина стала причиной того, что в данном случае дело дошло до суда, и Кулябко был осужден на 4 месяца арестантских рот⁴³.

Уже современники на рубеже XIX–XX вв. отмечали системный характер коррупции в полиции. В отчетах Департамента полиции указывалось, что в ряде полицейских управлений за взятки осуществлялось продвижение по службе, назначение на вышестоящую должность и т. д. Так, в Московском градоначальстве делопроизводитель С. И. Кедров, возглавлявший инспекторский отдел (отвечавший за кадровые перестановки в полиции), установил твердую таксу для старших полицейских чинов за назначение на должность, представление на новый чин или орден, перевод в более высокий разряд или из гражданской на военную вакансию, своевременное представление отпуска. Вознаграждение за подобные услуги достигало 15 тыс. руб. Кроме того, многие приставы регулярно платили Кедрову 50–100 руб. «за хорошее отношение», кормили его за свой счет в ресторанах, делали дорогие подарки жене⁴⁴. Платили полицейские и своим непосредственным начальникам. Так, московский полицмейстер Трутнев, прозванный подчиненными «профессором взяток», обложил данью приставов своей части. На эту дань шло 2/3 взимаемых ими взяток. Его коллега генерал-майор Будберг поступал более утонченно. Он еженедельно играл со своими приставами в карты и, естественно, постоянно выигрывал. Чиновник для поручений сысской полиции Ботнев брал с сысских надзирателей и агентов деньги за прием на работу и назначение для дознания на «денежные» дела⁴⁵.

Член Совета при министре внутренних дел Н. Ч. Зайончковский, проводивший в 1907–1908 гг. ревизии управлений столичных полиций Санкт-Петербурга и Москвы, отмечал, что фактическое руководство этими управлениями осуществляется сложившимися теневыми группировками, члены которых были связаны личными контактами и корыстными интересами. Они продвигали по службе «своих людей» и, наоборот, добивались увольнения или перевода на малозначимые должности тех, кто в эти группировки не входил. В петербургской полиции такую группировку возглавляли полицмейстер В. Ф. Галле, заведующий канцелярией градоначальства А. Н. Никифоров, делопроизводитель А. Л. Калиш, чиновник по особым поручениям Прокопович, в московской — начальник полицейского резерва Комендантов, полицмейстеры Юрьев и Трунёв, делопроизводитель Кедров, начальник сысской полиции Моисеенко⁴⁶. Именно от этих людей, являвшихся доверенными лицами градоначальников, зависела карьера как рядовых полицейских, так и старших полицейских чинов, их продвижение по службе. Представители этих теневых кланов выступали движущим механизмом коррупционных процессов, происходящих в полиции, ставя перед другими служащими полицейских управлений выбор — либо включиться в коррупционные схемы, либо оказаться под угрозой увольнения или отстранения от должности.

В связи с этим возникает вопрос: какую долю полицейских охватывала коррупция, являлась ли она поголовной? Безусловно, точных цифр, позволяющих оценить размах этого явле-

ния, не существует. Судить об уровне полицейской коррупции можно лишь по косвенным данным. Так, бывший петербургский полицмейстер Ф. Ф. Дубисс-Крачак, оценивая приставов, под началом которых работал в начале своей службы в 1870-е гг., отмечал, что из 5 приставов двое «не брали», один «брал» более-менее скрыто, двое — открыто⁴⁷. В отчете же сенатора Кузминского, описывающего ситуацию в Бакинской губернии в 1905 г., имена честных и профессиональных сотрудников уездной полиции звучат скорее как исключение из общего правила⁴⁸. Однако даже честные полицейские были вынуждены работать по правилам корпоративной этики, сформулированным их коррумпированными коллегами. Попытка нарушить «закон молчания», выступить против продажных коллег могла закончиться для них крахом карьеры. Примером может служить судьба двух полицейских чиновников Москвы — чиновника для поручений московской сыскной полиции В. С. Стефанова и участкового пристава подполковника И. Д. Ползикова. В. С. Стефанов по общему признанию считался самым талантливым, честным и умелым сыщиком Москвы. Именно ему поручалось проведение дознаний по всем крупным ограблениям и хозяйственным преступлениям в городе. В 1907 г. Стефанов совместно с судебным ведомством начал расследование массовых краж грузов на Московском железнодорожном узле. Ущерб от них только в 1906 г. составил более 5 млн руб. Расследование не потребовало большого труда. Руководители воровских шаек и скупщики краденого даже не стремились скрывать свою деятельность. Начавшиеся аресты вызвали у них искреннее возмущение. На допросах арестованные жаловались, что регулярно платили «за безопасность». Среди бравших у преступников деньги назывались имена унтер-офицеров железнодорожной жандармерии, сотрудников наружной полиции и коллег Стефанова по сыскной полиции. Чем больше в ходе расследования всплывало информации о продажных полицейских, тем большему давлению подвергался сам Стефанов. Сначала начальник и помощник начальника сыскной полиции рекомендовали ему закрыть дело, затем запретили давать чиновнику и членам его группы любую служебную информацию, а в конце концов он был уволен градоначальником по пунктам 838 и 780 Уложения о службе гражданской (то есть в связи с неблагонадежностью и без права жаловаться на это решение). Когда же Стефанов не смирился и направил рапорт о всем произошедшем в Департамент полиции, против него самого было возбуждено уголовное дело по обвинению в вымогательстве взяток и присвоении имущества, конфискованного у арестованных⁴⁹.

Похожая ситуация сложилась с приставом Ползиковым. В ноябре 1906 г. он был назначен начальником 2 участка Суцевской части г. Москвы. Вскоре подполковник вступил в конфликт со своим непосредственным начальником полицмейстером Юрьевым, который настойчиво намекал, что Ползиков, как и другие приставы, должен платить ему ежемесячную «дань». Ползиков отказался, после чего, как он сам утверждал, его начали «душить». Пристав не успокоился и привлек к ответственности ряд своих подчиненных — околоточных надзирателей, обложивших поборами население. В ходе расследования он выяснил, что эти околоточные регулярно платят мзду письмоводителю и близкому другу полицмейстера Обинякову. Юрьев приказал

Ползикову прекратить дознание, а когда тот отказался, остановил его своей властью. Вслед за этим на самого Ползикова обрушился вал административных наказаний. За семь месяцев пристав, ранее имевший безупречный послужной список, получил 8 взысканий. А когда до градоначальника дошла информация, что Ползиков встречался с чиновниками МВД, проводящими проверку московской полиции, он сначала был выведен «в штат» без содержания, а затем и обвинен в растрате⁵⁰.

И все же, Стефанову и Ползикову отчасти повезло. В ходе ревизии Московского градоначальства их «дела» привлекли внимание Департамента полиции, и в результате проведенного расследования они были полностью реабилитированы. Однако это было скорее исключением из правил. Обычно уволенным и отстраненным от службы «за неблагонадежность» полицейским так и не удавалось добиться пересмотра этих решений. Так, не смог восстановиться на службе или даже получить пенсию делопроизводитель Санкт-Петербургского градоначальства Н. Жеденов, сделавший достоянием гласности многочисленные злоупотребления в столичной полиции⁵¹. Впрочем, увольнение и возбуждение уголовного дела было отнюдь не единственным способом воздействия на строптивых подчиненных. Например, пристав, имевший детей школьного возраста и отказавшийся платить взятки начальству, был переведен в отдаленный участок, на территории которого отсутствовали образовательные заведения; сотрудника сыскальной полиции, написавшего рапорт о злоупотреблениях своего начальника, «убедили» перевестись в полицейское управление другого города, а чиновника градоначальства, начавшего расследование по взяткам в полиции, формально повысили, назначив на должность полицмейстера и фактически отстранив от расследования⁵².

В результате в полицейских службах складывалось положение, которое уже упоминавшийся Н. Жеденов характеризовал следующим образом: «У многих порядочных чинов в С-Петербургском Градоначальстве и Полиции наболело достаточно на душе от необходимости или содействовать начальникам в преступлениях или, с удалением за нежеланием сего от должности, терпеть нужду с семьёю... но не у всех имеется достаточно гражданского мужества, чтобы решиться лучше на увольнение от должности, чем на участие в преступлениях, и поэтому очень многие ждут не дождутся того счастливого момента, когда явится возможность избавиться, наконец, от хищников начальников и по совести исполнять долг службы»⁵³.

Впрочем, при попытках расследования коррупции в полиции проверяющие обычно наталкивались на своего рода «заговор молчания», нежелание даже честных полицейских давать показания против продажных коллег. Преобладающей среди служащих полиции в таких случаях была следующая позиция: «я не уверен, что уцелею, если что либо расскажу... из полиции лишь те торжествуют, которые идут за одно с Градоначальником, а все прочие не видя пощады и напуганные увольнениями по 3 пункту, пребывают в паническом страхе»⁵⁴. Даже те полицейские, которые решались на дачу показаний, утверждали, что пошли на это вынужденно. Как сам Стефанов, так и члены его группы в показаниях, данных комиссии МВД,

всячески настаивали, что не хотели вести расследование против своих коллег, не стремились фиксировать показания о взяточничестве среди них, а записывали показания о подобных фактах в протоколы допроса только в случае, если подследственные настаивали на этом⁵⁵. Честные полицейские не чувствовали поддержки со стороны своих руководителей, понимали, что «если они поднимут шум их в лучшем случае обвинят в “интриганстве”, а в худшем — в преступлении, и отстранят от должности “с клеймом позора”. Поэтому они предпочитали молчать, понимая, что в случае конфликта с начальством, по словам подполковника Ползиков, будут уничтожены как “букашки”»⁵⁶.

Все вышесказанное не означает, что российское государство не пыталось бороться с коррупцией в полиции. Большинство из перечисленных в статье коррупционеров, в конце концов, оказались под следствием. Некоторые из них (Шафров, Никифоров, Висман, Рейнбот и др.) предстали перед судом и получили заслуженное наказание, другие (как, например, секретарь московского градоначальника Н. И. Яковлев, Ботнев, Кедров, Калиш, Моисеенко, Галле) сумели его избежать. Дела против них были прекращены либо из-за «внезапного» ухудшения здоровья, либо столь же дружного и «внезапного» отказа свидетелей от данных ранее показаний, либо откровенного вмешательства высокопоставленных «покровителей».

Особенно ярко стремление «очистить» полицию проявилось в годы руководства МВД П. А. Столыпиным⁵⁷. При нем власть применила для обуздания взяточничества такие методы, как проведение силами МВД сплошных проверок полицейских учреждений, пользующихся неблаговидной репутацией. Так, в 1907–1908 гг. была проведена ревизия полиции Москвы и Петербурга. Причем руководство комиссией и в том, и в другом случае было поручено Николаю Чеславовичу Зайончковскому, по собственному признанию, «в течение всей службы весьма далёкому от полиции»⁵⁸. До приглашения на пост члена Совета при министре внутренних дел Зайончковский всю карьеру провел в Министерстве просвещения, уйдя в отставку с должности попечителя учебного округа. Благодаря этому Зайончковский был независим и не связан системой взаимных обязательств с высокопоставленными чинами полиции. В состав ревизионных комиссий входили представители МВД, Департамента полиции, прокуратуры. Проверке подвергались все стороны работы полицейских управлений. Так, в ходе ревизии московской полиции, длившейся 17 дней, была проверена служебная деятельность сыскной полиции, полицейского резерва, 10 участков, а также проведен письменный опрос 4 полицмейстеров и 48 участковых приставов⁵⁹. Результаты ревизии докладывались лично министру внутренних дел, который принимал решение о возбуждении уголовных дел или начале служебного дознания в отношении служащих, на которых были получены компрометирующие данные. По результатам ревизии, только в петербургской полиции к уголовной ответственности были привлечены 5 участковых приставов, 2 помощника пристава, полицейский врач, помощник начальника полицейского резерва, командир одной из полицейских рот, заведующий летучим отрядом сыскной полиции, управляющий канцелярией и делопроизводитель градоначальства. Были возбуждены служеб-

ные расследования против чиновника для поручений градоначальства, чиновника для поручений сыскной полиции, одного из полицмейстеров столицы⁶⁰. Кроме того, министр мог передать полученные материалы проверки в Сенат для проведения комплексной ревизии (как это произошло в случае с московской полицией).

Именно в ходе сенатских ревизий и вскрывались обычно случаи наиболее массовых злоупотреблений в полицейских органах (в Бакинской губернии, Туркистанском и Привислинском крае)⁶¹.

Доказательством серьезности намерений руководителей МВД стали факты привлечения к ответственности не только рядовых взяточников, но и высокопоставленных представителей полицейской власти. Так, был отстранен от должности известный своим произволом и злоупотреблениями одесский градоначальник И. Н. Толмачёв, попали под суд Сената товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко и московский градоначальник А. А. Рейнбот. В частности, открытый процесс над генералом Рейнботом и его помощником полковником В. А. Коротким получил широкую известность и освещался всеми крупными российскими газетами. В журналистике даже появилось новое понятие «рейнботщина», ставшее синонимом полицейского произвола и злоупотреблений. Однако даже изобличенным взяточникам не грозило жестокое наказание. Уголовное законодательство и судебная практика рубежа XIX–XX вв. предусматривали наказание по фактам взяток и превышения полномочий от нескольких месяцев до 3 лет арестантских рот. Причем строгость наказаний зачастую оказывалась обратно пропорциональной служебному положению подсудимого и наличию у него связей в высших сферах. Оценивая судебные приговоры по делам о взяточничестве, консервативная газета «Гроза» отмечала, что «при такой мягкости суда к мздоимцам из высших чинов полиции не скоро выведется вымогательство взяток»⁶². Так, если младший помощник пристава 4 участка Александровско-Невской части Санкт-Петербурга был осужден за взятки и вымогательства на 2 года лишения свободы, то командир роты полицейской стражи Задорновский — на 2 месяца лишения свободы, а участковый пристав Никитин был обязан выплатить 300 руб. штрафа. Управляющий канцелярией Санкт-Петербургского градоначальства А. Н. Никифоров, представший перед судом по обвинению в служебном подлоге, подделке документов и получении взяток в размере более чем 20 тыс. руб., был приговорен к 3 годам лишения свободы, вскоре сокращенных указом императора до 7 месяцев. Полковник Коротков и генерал Рейнбот, приговоренные Сенатом к году арестантских рот, вообще не провели в заключении ни дня, и были полностью помилованы Николаем II. Получил помилование и В. И. Гурко, отстраненный приговором суда от должности⁶³.

При этом высокопоставленные обвиняемые обычно связывали преследования против них с политическими мотивами, объясняя свои неприятности происками вездесущих «жидо-масонов», интриганов МВД, а то и стремлением П. А. Столыпина избавиться от опасных политических соперников. Впрочем, оттенок политических интересов в этих процессах, безусловно, имелся. Если в отношении Толмачёва и Рейнбота, известных своими связями с черносотенцами, Столы-

пин действовал последовательно и жестко, то в отношении петербургского градоначальника Драчевского, близкого по взглядам премьеру и конфликтовавшего с крайне правыми, он предпочитал закрывать глаза на многочисленные факты «служебной нечистоплотности». Лишь после смерти Столыпина и второго покровителя градоначальника — дворцового коменданта В. А. Дедюлина — против Д. В. Драчевского было возбуждено уголовное дело по обвинению в хищении 150 тыс. руб., выделенных на издательство газеты «Ведомости градоначальства»⁶⁴.

Особенностью начала XX в. стало то, что тема коррупции стала активно использоваться различными политическими силами в качестве инструмента усиления своего политического влияния. Так, начало расследования деятельности В. И. Гурко стало следствием ряда публикаций в кадетской прессе. Ревизия в полиции Санкт-Петербурга последовала за мощной пропагандистской кампанией, развернутой черносотенными организациями против якобы господствовавшего в ней «жидово-польского клана», «Союз русского народа» инициировал еще несколько расследований в провинциальных полицейских управлениях. Однако, когда речь заходила о таких полицейских деятелях, как Толмачёв и Рейнбот, позиция черносотенцев изменялась кардинально. Приговор по делу Рейнбота крайне правая пресса характеризовала как «предупредительный кивок в сторону мятежников»⁶⁵.

Примечательно, что реакция на местах на попытки центральной власти навести порядок была отнюдь не однозначной. В частности, в ходе ревизии московского градоначальства в ряде газет звучала явная нотка недовольства «торопливыми чиновниками гаринской ревизии»⁶⁶.

О степени результативности чисток, проводимых в полиции в начале XX в., вряд ли можно судить однозначно. В каких-то случаях они, безусловно, давали положительный эффект. Так, после сенатской ревизии московского градоначальства и смены руководства московской сыскальной полиции, качество ее работы заметно улучшилось. Возглавивший Московский сыск А. Ф. Кошко превратил его в одно из самых компетентных розыскных учреждений в стране. За год его руководства московской сыскальной полицией процент раскрываемости преступлений вырос в 3,5 раза. В том числе, были полностью разгромлены воровские группы, действовавшие на Московском железнодорожном узле. Кошко удалось справиться и с проблемой коррупции. Благодаря системе многоуровневого контроля, установленной им за своими подчиненными (агенты чиновников для поручений, наблюдающие за сыскальными надзирателями, и личные агенты самого Кошко, наблюдающие за чиновниками), новому начальнику удалось свести уровень коррупции в Московском сыске фактически к нулю⁶⁷.

Однако в большинстве случаев процессы над полицейскими-взяточниками ничего не меняли. На уровень «чистоплотности» московской полиции в целом «чистка», последовавшая после сенатской ревизии 1907–1908 гг., серьезного влияния не оказала. Об этом свидетельствует ситуация, сложившаяся в Москве после введения в 1914 г. сухого закона. Практически каждый подпольный шинкарь платил за покровительство местным полицейским. В частности, за «крышевание» нелегальной торговли спиртным в одном из участков Рогожской части Мос-

квы были уволены все околоточные надзиратели. А вот как боролись с незаконным оборотом алкоголем полицейские чины 2-го Арбатского участка — пристав Жичковский и помощник пристава Шершнёв: «Когда Жичковский, расплотив в своём участке всюду тайную торговлю вином, и нажив на этом деле состояние, купил для своих двух содержанок автомобиль, пару лошадей и мотоциклет двухместный, то его четыре месяца тому назад перевели в 3-Пресненский участок... Хозяином положения по винной торговле остался его старший помощник Шершнёв, который скрыл от нового пристава все тайные торговли вином в участке и месячные подачки стал получать один за себя и пристава в тройном размере»⁶⁸.

Можно констатировать, что попытки государственной власти навести порядок в полиции в начале XX в. не привели к серьезным успехам. Коррупция в полицейских учреждениях превратилась в неотъемлемый элемент их существования. Общественное мнение обвиняло в продажности всю полицию целиком, считая ее системой, абсолютно не приспособленной к реформированию. В результате, когда оппозиционные силы пришли к власти в 1917 г., они предпочли не реформировать полицию, а коренным образом разрушить ее, заменив новой правоохранительной службой — милицией. Причем если в органах сыска новая власть еще допускала использование старых специалистов, то весь состав наружной полиции был уволен со службы. Впрочем, как показала дальнейшая история, новые органы правопорядка вскоре оказались поражены теми же проблемами, что и их предшественники, и новым правителям демократической, а позднее — советской России, пришлось решать ту же самую задачу — как освободить деятельность милиции от коррупционной составляющей.

Сегодня в условиях начавшейся реформы МВД тема борьбы с коррупцией вновь встала небывало остро. Фактически, сегодняшняя коррупция в органах внутренних дел является почти точным «слепком» (конечно, на новом уровне) коррупции в российской полиции в начале прошлого века. Поборы с малого и среднего бизнеса, «крышевание» игорных заведений, выполнение «заказов» крупных предпринимателей, сращивание с организованной преступностью — вот в чем обвиняют милицию начала XXI столетия, так же как и полицию начала XX в. За последние 25 лет, по нашему мнению, уровень честности и профессионализма защитников правопорядка опустился на уровень рубежа 1800–1900-х гг. Поэтому и оценка опыта борьбы с полицейской коррупцией сто лет назад приобретает особую актуальность. История противостояния коррупции в органах полиции Российской империи наглядно демонстрирует, что преодолеть ее возможно только путем глубоких и длительных реформ, а отнюдь не только исключительно репрессивными мерами и косметическими изменениями. Остается надеяться, что начавшаяся реформа не ограничится переменной названия и некоторыми поверхностными изменениями. Не хотелось бы, чтобы ее результатом стало исполнение пророчества героя милицейского сериала «МУР есть МУР», который в ответ на вопрос — «что будет, если милиционеры начнут брать взятки», — ответил: «тогда её (милицию. — И. Г.) как в царское время придётся переименовать в полицию».

¹ Жуков К., Клубков Р. Петербург без мундира. М., 2008. С. 142–143; Назаренко А. М. Санкт-Петербургская столичная полиция (1906–1913 годы): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 113; Журнов Е. Столпы позора // Коммерсантъ — Деньги. 2007. № 13 (619) // <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 18.09.2011).

² См., например: Речь. 1911. 22 сентября; Русское слово. 1911. 12 октября; Современное слово. 1911. 24 ноября.

³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 248.

⁴ В праве Российской империи под лихоимством понималось вымогательство денег с граждан за исполнение или неисполнение своих обязанностей, мздоимством — получение денег начальством с подчиненных за оказание им покровительства.

⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). Т. 2. СПб., 1999. С. 164.

⁶ Пиотровский В., Очкур Р., Кудрявцев Д. Полиция Российской Империи. М., СПб., 2005. С. 124.

⁷ Там же. С. 38–40.

⁸ Там же. С. 124–125.

⁹ Министерство внутренних дел России: 1802–2002: Исторический очерк: В 2 т. Т. II. СПб., 2002. С. 71–72.

¹⁰ Назаренко А. М. Санкт-Петербургская столичная полиция (1906–1913 годы): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 107.

¹¹ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 5 об.

¹² Русское слово. 1911. № 98. 30 апреля. 13 мая.

¹³ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 4.

¹⁴ То есть премии.

¹⁵ Кокорев В., Руга А. Полиция. Садиться без чинов // Совершенно секретно. 2004. № 9(184) // <http://www.sovsekretno.ru> (дата обращения: 18.09.2011).; Лурье Л. Преступления в стиле модерн. СПб., 2005. С. 159.

¹⁶ Розенталь И. С. Москва на перепутье. Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004. С. 60.

¹⁷ Назаренко А. М. Санкт-Петербургская столичная полиция (1906–1913 годы). С. 113.

¹⁸ Журнов Е. Столпы позора // Коммерсантъ — Деньги. 2007. № 13 (619).

¹⁹ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 36.

²⁰ Там же. Ед. хр. 18. Л. 6.

²¹ Константинов А. Коррупцированная Россия. М., 2006. С. 75–76.

²² Для предания служащих административных ведомств суду за должностные преступления требовалось согласие губернского правления (если они были назначены на должность губернатором) или министра, или управляющего соответственного главного управления (если чиновник назначался на должность их приказом). См. ст. 1088 Устава уголовного судопроизводства 1862 г.

²³ Любичанковский С. Становление и развитие неформального объединения уральского губернского чиновничества в конце XIX — начале XX вв. // Acta Slavica Iaponica. Tomus 28. С. 30.

²⁴ Длуголенский Я. Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга-Петрограда. СПб., 2001. С. 344.

²⁵ Русское слово. 1911. № 101. 4 марта.

²⁶ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 36.

²⁷ Русское слово. 1911. № 103. 6 мая.

²⁸ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 125.

²⁹ Там же. Ед. хр. 9. Л. 588.

³⁰ Биржевые ведомости. 1906. № 1972. 23 января.

³¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Ед. хр. 141. Л. 263 (с об.)–265 (с об.).

- ³² Русское слово. 1911. № 110. 14 мая; 1911. № 111. 15 мая.
- ³³ *Жирнов Е.* Чины полиции пользуются не совсем хорошей репутацией // Коммерсант — Власть. № 31 (834). 2009. 10 августа // <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 18.09.2011).
- ³⁴ *Рыжов Д. С.* Борьба полиции России с профессиональной преступностью. 1866–1917 гг. Самара, 2001. С. 55–56.
- ³⁵ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 6–10.
- ³⁶ Там же. Ед. хр. 5. Л. 12.
- ³⁷ На блатном жаргоне *хипес* — название преступления, совершенного при помощи красивых женщин. Этим женщин, соответственно, называли хипесницами. Обычная схема хипеса была такова: красотка заманивает изголодавшегося мужчину к себе на квартиру и укладывает в кровать. «Неожиданно» появляется «муж», вытряхивает мужика из постели, а заодно требует возместить «ущерб», иначе... Большинство кавалеров, боясь огласки, предпочитало откупиться.
- ³⁸ *Рыжов Д. С.* Борьба полиции России с профессиональной преступностью. 1866–1917 гг. С. 67.
- ³⁹ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 375.
- ⁴⁰ Там же. С. 68–69.
- ⁴¹ Там же. Л. 315; Вечернее Время. 1916. № 1524. 29 июня.
- ⁴² *Измолик В. С.* Россия начала XX века глазами чинов полицейского розыска Российской империи // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 153.
- ⁴³ *Степанов С. А.* Загадка убийства Столыпина М., 1995. С. 214–215.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 7–25.
- ⁴⁵ Там же. Ед. хр. 5. Л. 120, 375; Столичная молва. 1911. № 183. 20 мая.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Ед. хр. 141. Л. 70–73; Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 38.
- ⁴⁷ *Пиотровский В., Очкур Р., Кудрявцев Д.* Полиция Российской Империи. С. 121–135.
- ⁴⁸ Биржевые ведомости. 1906. № 1972. 23 января.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 13–16.
- ⁵⁰ Там же. Л. 58–64.
- ⁵¹ Там же. Ф. 1284. Оп. 47. Ед. хр. 141. Л. 234.
- ⁵² Там же. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 14, 60; Ф. 1284. Оп. 47. Ед. хр. 141. Л. 72.
- ⁵³ Там же. Ф. 1284. Оп. 47. Ед. хр. 141. Л. 265.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 113–116.
- ⁵⁵ Там же. Л. 313–337.
- ⁵⁶ Там же. Л. 197.
- ⁵⁷ После прихода Столыпина к власти и начала им «чистки» государственного аппарата число чиновников, привлеченных к суду за должностные преступления, выросло более чем в 2,5 раза. См: *Любичанский С.* Становление и развитие неформального объединения уральского губернского чиновничества в конце XIX — начале XX вв. С. 27.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 2.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Ед. хр. 141. Л. 23.
- ⁶¹ *Любичанковский С.* Становление и развитие неформального объединения уральского губернского чиновничества в конце XIX — начале XX вв. С. 39–43.
- ⁶² Гроза. 1911. 12 января.
- ⁶³ *Назаренко А. М.* Санкт-Петербургская столичная полиция (1906–1913 годы) С. 113–114; *Лурье Л.* Преступления в стиле модерн. С. 154, 159; Судебная газета 1911. 12 января; РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Ед. хр. 141. Л. 225.

⁶⁴ Голь Н. М. Первоначальствующие лица: история одного города. СПб., 2001. С. 401.

⁶⁵ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Д. 15. Л. 69.

⁶⁶ Новое время. 1913. № 13262. 11 ноября.

⁶⁷ Рыжов Д. С. Борьба полиции России с профессиональной преступностью. 1866–1917 гг. С. 86.

⁶⁸ Руга В., Кокарев А. Война и москвичи. Очерки городского быта 1914–1917 гг. М., 2008. С. 143.